

ской переводной литературы. Именно в этом послании при изложении схемы, разоблачающей взгляд латинян на мир, Филофей счел уместным продемонстрировать воплощение идеи божественного промысла в истории избранных народов и перешел к подробнейшему разъяснению теории Москва — третий Рим. Возможно, Мисюрь-Мунехин в послании к Филофею и не спрашивал этих разъяснений, но Филофей воспользовался случаем, чтобы ее доказать, основное внимание уделив отношению к латинству и объяснению причин падения первого и второго Римов: «... девятнадцать лет, како греческое царство разорися и не созижется, сия вся случися грех ради наших. Понеже они предаша православную греческую веру в латынство. И не дивися, избранниче божий, яко латыни глаголют: наше царство ромейское недвижимо пребывает, аще быхом не праве веровали, не бы господь снабдел нас, не подобает нам внимати прелестем их, воистину суг еретици, своєю волею отпадше от православныа христианскиа веры паче же опресночнаго ради служения, беша с нами в соединении сем сот и 70...», во аполинариеву ересь впадше, прелщени Карулом царем и папою Формосом». ⁴⁵ Изложение теории в этом послании полемически заострено, и сама теория находит здесь наиболее полное выражение: «... мала некаа словеса изречем о нынешнем православном царствии пресветлейшаго и высокостолнейшаго государя нашего, иже во всей поднебесной единого христианом царя и брододержателя святых божиих престол святыха вселенския апостолския церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасаемом граде Москве святая и славная успения пречистыа богородица, иже едина во вселенной паче солнца светится. Да вси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам то есть росейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». ⁴⁶ В этом послании называются уже «Росейское царство», Москва и Успенский собор, а в послании великому князю Василию Ивановичу говорилось только о «твоем царстве». Так как Филофей привел пространное и, по его мнению, убедительное доказательство теории, то он счел возможным затем ограничиться кратким, упрощенным и даже несколько искаженным изложением видения Апокалипсиса.

Следует согласиться с мнением Н. Е. Андреева, считающего данное послание наиболее интересным. ⁴⁷ Именно этим объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что до нас дошло наибольшее количество списков этого послания Филофея. Но, по концепции Н. Е. Андреева, именно это послание было написано последним, а значит, оно должно было бы быть наименее оригинальным по содержанию.

В послании царю и великому князю Ивану Васильевичу главными вопросами являются церковное землевладение и симония, в туманных выражениях, рассчитанных на посвященного, упоминается о содомии. Послание сложно, пространно, лишено непосредственных обращений, конкретных замечаний. Но если бы это послание было написано раньше других, как предполагает Н. Е. Андреев, то оно должно было бы быть максимально убедительным и доходчивым (ведь в таком случае это было бы первое изложение Филофеем его теории).

Это послание в большей своей части несамостоятельно и составлено из отрывков канонических произведений. Филофею в нем принадлежит только изложение теории Москва — третий Рим, резко отличающееся от ее изложения в других посланиях. Филофей включил теорию в собствен-

⁴⁵ Там же, стр. 41, 42.

⁴⁶ Там же, стр. 45.

⁴⁷ N. Андреев. Filofey and his Epistle to Ivan Vasil'yevich, стр. 28.